

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская

Дикарь

«Public Domain»

1916

Чарская Л. А.

Дикарь / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1916

"Этот странный, необычайный, исключительный мальчик с его необыкновенною жизнью – один из главных героев новой повести для юношества под заглавием «Дикарь»... Здесь перед читателем и новый, совершенно не затронутый до сих пор писательницею (и вообще почти не затронутый в литературе для юношества) мир, и новые типы, и новая обстановка. Богатая приключениями жизнь подростка-дикаря дала возможность г-же Чарской развернуть её беллетристическое дарование во всю ширь..."

© Чарская Л. А., 1916

© Public Domain, 1916

Содержание

Часть I	5
ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	9
ГЛАВА III	11
ГЛАВА IV	12
ГЛАВА V	14
ГЛАВА VI	16
ГЛАВА VII	21
ГЛАВА VIII	23
ГЛАВА IX	25
ГЛАВА X	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лидия Алексеевна Чарская

Дикарь

Часть I

ГЛАВА I

Лесная встреча

Весна была в разгаре. Казалось, Великий Хозяин раскинул над пробужденной после суровой зимы землю бирюзовый полог, весь затканый золотыми блестками солнца и белыми пушистыми гроздьями облаков. Милым весенним звоном звенел пушистый, принаряженный старик-лес. Чист и ароматен был майский воздух. И синее огромное, как море, с едва уловимыми на горизонте берегами, озеро казалось вторым небом, только опрокинутым, разостланным по земле, только более темным, более хмурым и строгим. В лесу пахло свежее смолою, неуловимо пряным запахом обновленной земли и несло откуда-то тонкою душистою струею первых ландышей. Нудно и однозвучно кричала кукушка. Пела малиновка на ивовой ветке. Стучал клювом настойчивый дятел. И вот неожиданно все эти шумы и шорохи, песни и звоны смело и громко покрыл резкий, пронзительный свист.

Рыжая белка в испуге метнулась с ветки старой сосны, уронив с дерева сухую прошлогоднюю шишку, и исчезла в зелени свежей изумрудной хвои. А свист все не прекращался. Зашуршали кусты вербы, и, с трудом пробираясь сквозь чащу, на узенькую тропинку вылезла небольшая человеческая Фигура. То был мальчик-подросток, лет четырнадцати, в старом, во многих местах порванном, во многих местах заплатавшем матросском костюме. Смуглый, загорелый, обветренный со светло-серыми прямо смотрящими глазами, он был худ, строен и достаточно высок для своего возраста. Целая копна темно-русых волос, упрямо завивающихся крупными кольцами, беспорядочно выбивалась у него из-под матросской фуражки. Серые глаза его внимательно оглядывали местность, пока он не переставал свистать при помощи не совсем чистых пальцев, приложенных ко рту. Еще упала одна шишка из-под лапок насмерть перепуганной белки, и даже кукушка приостановила свою однообразную музыку, а мальчик все еще продолжал свистеть.

– Го-го-го-го-го! – вдруг неожиданно пронеслось по лесу.

Тут черные брови мальчика высоко приподнялись и губы раздвинулись в улыбку. Эта милая, простодушная улыбка сразу смягчила суровое, смуглое лицо мальчика, казавшегося диким, и нелюдимым, и оно неожиданно сразу похорошело, просветлело.

Он поднял голову и устремил глаза в сторону, куда убегала по направлению к небольшому фабричному городку тропинка.

– Как ныне собирается вещей Олег, отмстить неразумным хазарам... – запел он.

– Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам... – слышалось где-то неподалеку, и почти одновременно со звуками подхваченной песни из самой гущи кустов выскочило еще двое: рыжий, веснушчатый мальчик с бойкими, бегающими, как у пойманного дикого зверька, глазами, одного возраста с подростком в матроске, и девочка смуглая, как цыганка, с тоненькой косицей, странно торчавшей за ушами, на год или на два моложе своего спутника. Оба подростка были одеты в нищенские лохмотья, и по их изнуренным лицам было видно, что оба они прошли тяжелую и мучительную школу нужды.

– Здорово, Дима! – крикнул рыжий мальчуган и протянул приятелю грязную, черную руку.

Сероглазый подросток без тени безгливости принял и пожал ее. Потом, кивнув головой девочке, сказал:

– Как вы долго нынче... Я тут весь изсвистался, пока пришли.

– Нельзя было, – проговорила деловитым тоном последняя, – дядька долго не уходил и нас не отпускал.

– Ну, ладно, чего там! Нечего рассусоливать, – оборвал ее рыжий. И, живо обернувшись к тому, кого назвал Димой, лаконически бросил:

– А ты принес?

– Принес.

– Все принес?

– Все.

– А папирос?

– Нет, Сергей, папирос я тебе не принес. Нет их у меня. И денег нет, чтобы купить, – серьезно ответил Дима.

– Вот те на! Зачем покупать? Ведь отчим-то небось курит?

– Курит... Ну, так что?

– Так неужто же ты у него не сумел пару папирос взять?

– Что-о-о?..

Дима выпрямился, поднял голову. Взор его загорелся.

– Раз и навсегда запомни, Сергей: взять без ведома, это значит – украсть, а я, Вадим Стоградский, на то не пойду. Понял?

Оборванец что-то буркнул себе под нос. Диме послышалось весьма обидное словцо.

– Что такое? Что ты сказал? Повтори – тяжело переводя дух и глядя на рыжего в упор, глухо отчеканил он, и сжал руки в кулаки.

Тогда смуглая девочка в лохмотьях и с босыми ногами в ссадинах и царапинах, неожиданно выступила вперед и схватила рыжего за рукав.

– Да будет вам браниться... Ей Богу, какие! лучше есть примемся. Со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было. И дядька ругался... Да и как еще! Боже ты мой! Прибить грозился за то, что который день ничего не настреляли¹. А где стрелять-то? А на работу берут тех, которые постарше. На нас и глядеть не хотят. Страсть как проголодалась. Дядька грозитя и вовсе не кормить, покуда полтинника в день приносить не станем, а где уж тут – полтинник в день!

– Ну, заскулила! Слушать тошно. Молчи! – огрызнулся на свою спутницу рыжий.

– Не смей обижать Машу, слышишь? А не то ничего не получишь от меня, – неожиданно повысил голос Дима.

---

¹ Под словом «настрелять» нищие подразумевают – собрать милостыню.

Сережка прикусил язык. Он знал, что Дима не любитель тратить слов по-пустому, и волей-неволей смирился. Между тем, Дима не спеша пошел в кусты и через минуту вернулся оттуда с большим свертком в руках.

– Вот все, что мог принести, принес! – коротко сказал он, бросая узелок в ловко подставленные руки рыжего.

Тот проворно развязал узел. В нем лежала старая, заплатанная матроска, старые же сапоги, большой кусок хлеба и несколько ломтей жареного мяса. Последней мальчик достал изящную батистовую блузку.

– Это от сестры. Она мне раньше еще подарила. Это тебе, Маша, – мягко произнес Вадим, обдавая смуглую девочку ласковым взглядом.

– Мне? – почти захлебнувшись, прошептала та.

– Ну да, тебе. Какая смешная! Не бойся, не краденая... И мясо, и хлеб тоже не краденые. Это моя порция от обеда. Я не ем за столом. Говорю, нет аппетита. Прощу отложить мне на вечер и вот, ношу сюда.

– А сам голодный сидишь? – широко раскрыла глаза девочка.

– О, нет... Ведь у нас не одно мясо дают к обеду; и рыбу, и суп, и сладкое... Сыт бываю до отвала.

– Ишь ты – и рыба, и сладкое! – уписывая за обе щеки хлеб с мясом, протянул Сережа. А нам иной раз и хлебушка не перепадет.

Маша в это время любовно перебирала дрожащими пальцами складки и кружево блузки. Вероятно, ей и во сне не снилось надеть когда-либо на свои плечи подобную, на её взгляд, роскошь.

Сережка, в свою очередь, не спускал глаз со старой матроски и сапог.

– Совсем почти что крепкие. Ишь ты, как важно! – радовался он, напялив спустя несколько минут матроску и сапоги, и отправился любоваться на себя в ручей, который должен был послужить ему зеркалом.

Когда Маша и Вадим остались одни, мальчик схватил смуглую, худую ручонку своей приятельницы и зашептал ей с такою тоскою, с таким безысходным выражением горя на лице, что девочка, слушая его, вся замерла от жалости.

– А ей опять хуже, Маша... Опять хуже... Вчера послали телеграмму в город к известному профессору. И еще к двум другим докторам. Их приглашают на консилиум... Ты не знаешь, что такое консилиум, конечно... Это совещание врачей. Они обсуждают состояние больного... Ах, я не знаю, что делать, Маша... Так мне тяжело... Она теперь так редко приходит в себя... И все бредит и бредит... И какая она стала маленькая и худенькая, если бы ты знала! Меньше тебя... А ведь ей уже шестнадцать, она на три года тебя старше, Маша... И какая кроткая, милая, прекрасная... Как мне хочется ее порадовать, но чем, чем? Ума не приложу... Положительно не знаю. Все у нее есть: даже драгоценности. Ее любит наш отчим и дарит ей к именинам и рождению разные хорошенькие вещицы. Вот разве ей цветов принести, как ты думаешь, Маша?

Но Маша не успела ничего ответить. Снова появился Сережка, очень довольный своим новым видом.

– Куртка знатная, и штиблеты тоже. И теперича я как бы барин. Только бы дядька не отнял в недобрый час.

– Ну, прощай, Вадим Григорьевич, счастливо тебе оставаться, – тряс он минутою позже грязной загорелой рукой руку Вадима, – до завтра. А что, может, и завтра нам от обеда мясца да хлебца?..

– Будь покоен, – произнес сурово Вадим и только при прощании с Марией его суровые стальные глаза приняли снова мягкое выражение, так необычно красившее это угрюмое юное лицо.

ГЛАВА II

Всеволодские и Стоградские

Давно уже затихли звуки шагов удалявшихся Сережки и Маши. Давно уже пестрые лохмотья смуглой девочки перестали мелькать между деревьями, а Дима Стоградский все еще стоял на месте и смотрел им вслед.

Около года назад он с матерью, её мужем, старшей сестрою и двумя братьями переехал в небольшое имение отчима, расположенное на берегу одного из крупнейших русских озер, в шестидесяти верстах от столицы и недалеко от небольшого уездного городка.

Из города сюда долетали фабричные гудки и звон церковных колоколов, а с озера и каналов – пароходные свистки да рев сирены, заглушавший временами меланхолический рокот редко тихих, часто совсем по-морскому бурливых волн.

Имение Петра Николаевича Всеволодского, отчима Димы, находясь в трех верстах от города, примыкало к лесу, наполовину сосновому, наполовину лиственному, раз и навсегда пленившему воображение мальчика.

Он рос с детства каким-то особенным ребенком. Молчаливый, упорно таящий в себе свои горести и печали, Дима Стоградский умел чувствовать и переживать события жизни не по-детски серьезно и глубоко. Угрюмый по виду, суровый, неласковый, мальчик отталкивал от себя окружающих своею кажущеюся холодностью и черствостью. Он никогда ни к кому не ласкался, ничего не просил, не высказывал никаких желаний. Смотрел всегда исподлобья, волчонком. И только в летнее время, когда семья Стоградских переезжала из имения на дачу и Дима мог исчезать на долгие часы из дома, с утра до позднего вечера находиться на лоне природы, которую любил каким-то исключительным восторженным чувством, он весь преобразился. В ранние часы мог он подолгу любоваться дикими полевыми цветами, глядеть в небо, на плывущие по нему облака, а нежными летними вечерами – молча упиваться тихим мерцанием звезд и соловьиными трелями. Он любил до безумия грозы и бури и часто носился под проливным дождем навстречу порывам ветра по лесу, наблюдая восхищенными глазами бег золотых молний в небе и ловя напряженным слухом громовые раскаты.

– Димка наш настоящим моряком будет, – часто говорил жене капитан Стоградский, глядя, как ловко Дима, тогда еще девятилетний ребенок, несмотря на волнение в заливе, справляется с лодочкой или яликом в бухте, близ которой они снимали дачу на летнее время.

Заветною мечтою капитана было определить всех своих трех сыновей на морскую службу, которой он отдал себя, как его отец, дед и прадед. И, умирая, четыре года тому назад, на смертном ложе он повторил на ухо жене это свое желание.

Юлия Алексеевна твердо решила исполнить волю покойного, и все трое мальчиков готовились теперь к поступлению в морской корпус.

Два года тому назад Стоградская вышла вторично замуж за своего дальнего родственника, Петра Николаевича Всеволодского.

Это был довольно богатый человек, посвятивший себя ведению хозяйства в своем имении «Озерное».

Юлия Алексеевна, выйдя за него замуж, поселилась там же.

В соседнем с усадьбой уездном городке, славившемся своим историческим прошлым, а также целю ордою нищих, бродяг, занимающихся выгрузкою и нагрузкою на пристанях товаров, или, попросту, собиранием милостыни, – имелся и частный пансион для мальчиков, где их готовили в морской корпус.

С прошлой осени, когда Всеволодские и Стоградские приехали в «Озерное», Вадим буквально ахнул от восторга. Ему, больше чем всем остальным, пришлось по вкусу и огромное, безбрежное на вид, похожее на море, озеро, с маяками и гигантскими судами, и таин-

ственно-темный лес по соседству и, наконец, не менее таинственно-темные люди, которые попадались тут на каждом шагу.

Как-то, гуляя в лесу, он встретил Сережку и Машу. Они [были голодны. При нем же случайно находились тартинки, которыми он и поделился с детьми. Тут-то и началось их знакомство. С тех пор почти ежедневно виделись они или здесь же, в лесу, или в городе, куда, пользуясь своей широкой свободой, частенько заглядывал Вадим. Он постоянно приносил им что-нибудь из дома и все свои карманные деньги тратил на них. В тайну знакомства с маленькими босяками он посвятил только старшую сестру Инну, или Ни, как ее звали домашние. И Ни помогала им, как могла, дарила при посредстве брата свои блузки и башмаки Маше.

Но вот Ни заболела. Она только этой весной приехала в «Озерное». В шестнадцать лет окончив гимназию, девушка навсегда водворилась под гостеприимной кровлей отчима, который заботился о ней и её братьях, как о родных детях. Но тут, в новом, непривычном для неё климате, с постоянными северными ветрами, дувшими с озера, Ни, и без того хрупкая здоровьем, схватила сильнейшую простуду, перешедшую скоро в жестокий плеврит, и теперь находилась на волосок от смерти.

Это несчастье с сестрою страшно мучило Диму. Он нежно и глубоко любил Ни, которая всегда защищала его перед старшими в трудные минуты. Но он не умел да и не хотел обнаруживать этой любви перед окружающими. И Ни так и не знала до сих пор всей силы чувства, питаемого к ней братом.

ГЛАВА III

Ландыши. Страшный поединок

Вадим стоял на лесной тропинке и думал, чем бы порадовать Ни, бедную, больную Ни, которая лежит в жару и бреде уже вторую неделю.

Если бы он знал, где находится медвежья берлога, то, не задумываясь, отправился бы туда, вооруженный одной лишь дубинкой и, убив старую медведицу, принес бы маленького медвежонка Ни, в сущности еще ребенку, несмотря на её шестнадцать лет и свидетельство об окончании семи классов гимназии. Или поймал бы соловья... Или...

Но тут мысли Димы оборвались. Чуть заметный ветерок подул из чащи леса и принес с собою душистую, медвяную струю ландышного аромата.

«Ландыши! – радостно мелькнуло у него в голове. – Ландыши...» Конечно, ничто сильнее не обрадовало бы Ни... Только надо их не сорвать, а выкопать с корнями и пересадить в корзину... Пусть цветут в её комнате. Ну, да, это будет великолепно! Лучшего и желать нельзя.

И, нащупав большой, складной перочинный ножик в кармане, Дима стрелой помчался в чащу, откуда белые цветы настойчиво и нежно посылали ему свой душистый привет. Вот они...

С каким-то невольным благоговением опускается на колени Дима и, осторожно обведя ножом землю вокруг небольшой группы белых ландышей, извлекает их с корнями из рыхлой почвы. Затем он переходит к остальным. Он работает так около десяти минут, пока пред ним не образовывается целая груда нежных, белых цветов, взятых вместе с корнями. Еще один кустик, и он сможет уйти домой, где мучается бедная Ни.

Внезапно тонкий слух мальчика ловит чуть слышное шуршанье в траве. Серые глаза Димы внимательно оглядывают окружающий низкорослый кустарник. Вдруг он весь вздрагивает. Прямо ему в глаза уставилась пара маленьких, нестерпимо блестящих, изумрудных глазок. И не то свист, не то шипенье вылетает из крохотной, гладкой, как бы сплюсненной головки. В ту же секунду маленькая, сплюсненная головка вытягивается и встает вертикально над серым, с крапинками, тонким телом.

«Гадюка!» – мелькнуло в голове у Димы.

Шипенье, раздавшееся вполне отчетливо и громко, подтверждает его слова. Серовато-черное кольцо свивается и разворачивается снова и вдруг неожиданно-быстрым движением делает прыжок вперед.

Вся кровь отливает от лица Вадима. Он выпрямляется, как будто сразу делается твердым, как железо. Сейчас напряжены все его мускулы... Смуглая рука протягивается вперед, и, прежде чем гадюка успевает укусить его, Вадим с молниеносной быстротой схватывает крепко рукою гладкую, скользкую, холодную шею пресмыкающегося. Его пальцы, крепкие как клещи, изо всей силы сжимают змеиное горло.

Враг, по-видимому, не ожидал такого быстрого, такого стремительного и ловкого нападения. Как-то сразу померкли горящие, изумрудные, змеиные глазки, и вся она беспомощно поникла, постепенно вытягиваясь вздрагивающим телом в сильных руках мальчика. Все тяжелее и тяжелее становилось оно теперь... И вот горящие изумруды совсем померкли... Шипение давно уже не вырывалось из стиснутого горла змеи. Последний свист – и все смолкло.

Дима разжал пальцы, и пресмыкающееся тяжело упало к его ногам.

ГЛАВА IV

Бова-королевич и Сандрильона

– Дима! Димушка!

Дима быстро оборачивается на тихий оклик, раздавшийся так неожиданно за его спиной.

– Ты, Маша? Что случилось? Почему ты вернулась сюда?

Смуглое как у цыганки личико все залито слезами, и черные глаза сквозь слезы блестят огоньком восторга.

– Я все видела... Я в кустах стояла. Видела, как ты схватил ее... И не струсил... И не убежал... Только весь белый стал, ровно бумага... Вот-то теперь, чай, хвастаться станешь... Еще бы! Один на один гадюку убил... Небось, какой почет тебе ото всех будет. Пойду, всем нашим скажу... Небось, не каждый так сможет... Побоялись бы. Сережка первый бы лататы задал... А ты вон какой храбрый, ты... Бова-королевич ты, вот ты кто!

Дима только плечами пожал да усмехнулся в ответ на этот восторженный лепет. Он сам недавно рассказал Маше, большой любительнице сказок, про Бову-королевича и теперь невольно улыбнулся тому, что она приравняла его, Диму Стоградского, к легендарному герою.

– А почему ты вернулась? Зачем опять пришла сюда? – после минутного молчания, не без тревоги, повторил он свой вопрос.

Вдруг все оживление, вся недавняя радость исчезли в черных сверкающих глазах, и Маша снова залилась горькими слезами.

– Он... Он... отнял ее у меня... Понимаешь, отнял... Злодей он, изверг!.. Я отдавать не хотела, а он силой-то... Как рванет из рук... Я выть начала... А он: «Все едино, говорит, чем дядьке Савлу, лучше мне, брату твоему»...

И девочка еще горше залилась слезами.

– Что отнял? Говори толком, ничего не понимаю! – сурово прикрикнул на нее Дима.

– Коф-то-о-оч-ку! Ба-ары-шни-ну... Коф-то-о-оч-ку! – едва нашла в себе силы выговорить Маша.

Серые глаза Димы стали совсем прозрачными от гнева. А небольшие, но сильные, не по возрасту, руки сжались в кулаки.

– Опять обидел тебя, значит этот бездельник?

– Опять...

– И подарок отнял у тебя?

– Отнял... Господи! Господи! Когда это кончится только, каторга эта... Сколько лет так терпеть... Кабы не ты, с голоду сдохла бы... А... а... Господи... При мамкиной жизни все же много лучше было... Жили ничего, как и все прочие люди, которые милостыней живут... И с Сережкой ладили... А как померла мамка в больнице, мы вскорости тут к дядьке Савлу попали... Ну, а тут разве жизнь?.. Только и радости, когда с тобой...

Уж который раз она поверяла Диме свою несложную повесть. Но никогда еще мальчику не было жаль ее так, как сейчас. И гнев и глухая злоба против обидевшего ее Сергея закипали все сильнее и сильнее в его душе.

– Ну, вот что! Ты успокойся прежде всего... Перестань плакать, Маша... Что хорошего в слезах-то? Ими, ведь, горю не поможешь, только глаза зря испортишь. А портить жалко: они у тебя красивые какие! Да и вся ты славная такая. Точь-в-точь сказочная Сандрильона...

– Кто такой? Я что-то не пойму, – подняла она на Диму изумленный, все еще подернутый слезами, взор.

– А помнишь, сказку тебе про Золушку рассказывал?

– Это – которая башмачок свой потеряла у королевича на балу?

– Эта самая. И нашел её башмачок тот королевич. И пошел с ним по всему своему королевству примерять туфельку Сандрильоны всем первым красавицам. И только одной девушке пришелся впору хрустальный башмачок. И стала Золушка Сандрильона женою королевича, а потом королевой, потому что принц её вступил на престол и стал королем. Вот и ты похожа на такую Золушку-Сандрильону. Сама в рубищах, босая, бедная, а лицо как у принцессы.

Вадим говорил правду. По странной игре судьбы, маленькая нищенка была лицом похожа на девочку из самой родовитой, самой знатной семьи.

Маша вся просияла от похвалы своего друга, которым восхищалась и гордилась как каким-то сверхчеловеческим существом.

Мало-помалу её слезы высохли, и черные глаза снова засверкали как звезды.

– Ты не беспокойся, Сережка будет наказан. И новую блузку я тебе добуду, только не горюй. Сказочная Сандрильона никогда не плакала и стойко переносила все невзгоды, все нападки злой мачехи и её сварливых, злых дочерей, – говорил Вадим.

– И за это-то она полюбила принцу?

– За приветливость и доброту.

– И за красоту? Она была красива?

– Она была не лучше тебя, Маша, – серьезно ответил мальчик.

Девочка просияла снова. На алых губках заиграла улыбка. Слабо зарумянились бледные, худенькие щеки. Ей живо-живо представилось сейчас, что она именно и есть маленькая Сандрильона. Что злая мачеха-судьба гонит и бьет ее, заставляя нищенствовать на пристанях и дорогах...

Она так задумалась, что уже не слышала слов Димы, и он принужден был повторить их, дотронувшись до её плеча.

– Ну, прощай, до завтра, Маша. Завтра я расправлюсь с Сережкой, а тебе принесу что-нибудь не хуже отнятой у тебя кофточки. А теперь ступай, ступай домой, маленькая Сандрильона!

Она улыбнулась, блеснув глазами и кивнув черной головкой, исчезла за деревьями.

А Дима, лишь только она скрылась в чаще, нагнулся, подобрал в носовой платок свои ландыши и, подняв с земли бездыханное тело змеи, пере кинул его себе, как боа, через шею.

«Трофей победы!» – мелькнуло в голове мальчика, и он, насвистывая свою любимую песню, служившую паролем ему и его приятелям-оборванцам, твердой мелкой походкой направился к дому.

«Как ныне сбирается вещий Олег»... – раздалось над синим озером, и стоголосое эхо повторило в чаще стройных, как колонны, деревьев:

– Лег... Лег... Лег...

ГЛАВА V

Бессердечный

– Сегодня в одиннадцать назначен консилиум, – произнес Петр Николаевич, – и мы узнаем, каких перемен можно ожидать в здоровье Нии. Я думаю, мальчики, вы не уйдете из дому, пока доктора не произнесут своего приговора над вашей бедной сестренкой.

– Конечно, папа, – ответили отчиму Никс и Левушка.

– А где же Дима?

– Я его не видел с утра. Он или ушел в лес или уплыл на маяк к старому Капитонычу, – высказал свое предположение Никс.

– Или отправился в город, – добавил, вторя старшему брату, Левушка.

– Удивляюсь, как это Вадим не интересуется Ни, которой вчера было особенно плохо, – строго взглянув поверх золотого пенсне, снова обратился Петр Николаевич Всеволодский к обоим мальчикам.

На это не мог ничего ответить ни изящный пятнадцатилетний Никс, своим хрупким изнеженным и надменным видом напоминавший юного лорда, ни двенадцатилетний Левушка, добродушнейшее создание, нимало не похожий на своего изящного брата. Но несмотря на свою неуклюжую, мешковатую фигурку, на нос, похожий на картофелину, и на расплывчато-круглое лицо, Левушка Стоградский, тем не менее, обладал чем-то таким, что делало его много лучше и обаятельнее красавчика Никса. Это необъяснимое обаяние мальчика так и сквозило в его ясных, голубых глазах и в его добродушной улыбке, милой и светлой, как у маленького ребенка. Сейчас, однако эти ясные голубые глаза выражали смущение поступком брата. Ему безгранично хотелось как-нибудь оправдать Диму. Он, было начал лепетать что-то, но отчим сразу оборвал его.

– Полно тебе великодушничать, Лева, Божье ты дитяtko. От твоего заступничества нимало не переменится мое мнение о Вадиме. И не трать попусту, красноречия, Лева... Каким бы...

Но Петру Николаевичу не пришлось закончить начатой фразы.

Из комнаты на террасу, где он находился сейчас с обоими мальчиками, вышла молодая еще женщина в легком батистовом пеньюаре. Её усталое лицо хранило на себе отпечаток многих бессонных ночей, а глаза, окруженные синими кольцами, были подернуты невыразимой печалью.

– О, Пьер – проговорила она, – если с Ни случится что-либо ужасное, я не вынесу, не переживу. Ты знаешь, мой друг, что значит для меня потерять эту девочку!

– Бог милостив, Юлия. Успокойся, дорогая. Рано еще приходить в отчаяние. Подождем, что скажут доктора. Остается уже не долго ждать их приезда.

Белокурая с пышными волосами голова Юлии Алексеевны Всеволодской отделилась от плеча её мужа, и залитые слезами глаза обратились в сторону притихших мальчиков.

– Никс, Лева... молитесь, дети за нашу Ни, за нашу страдалицу, – прошептала она, протягивая обоим сыновьям руки.

Одну из этих бледных, выхоленных рук с длинными, нежными, униженными кольцами пальцами толстенький Левушка в тот же миг покрыл слезами и поцелуями. Другую, изысканным, точно заученным движением, хрупкий и изящный Никс поднес к своим губам.

– Но где же Дима? Я не вижу Димы... – неожиданно заволновалась Юлия Алексеевна, окидывая прищуренными, близорукими глазами террасу.

– Его опять нет. И что же удивительного в этом? Пора, кажется, привыкнуть к хроническим исчезновениям нашего Вадима, – сказал, пожав плечами, Петр Николаевич.

– Да, но не теперь... Не сегодня, когда Ни в опасности, когда жизнь её висит на волоске...

– Боже мой, неужели же ты думаешь, что наш Вадим действительно любит кого-нибудь, кого-нибудь жалеет? Неужели ты еще надеялась встретить хоть каплю сердечности у этого мальчишки? Ты постоянно находила в нем какие-то несуществующие достоинства, какие-то рыцарские наклонности, а, между тем, я убеждаюсь с каждым днем, что этот мальчик положительно бессердечен.

Юлия Алексеевна хотела возразить мужу, хотела защитить в его глазах, оправдать хоть немного этого безалаберного Димушку. Но ей не пришлось сказать ни слова в защиту Димы.

За дверью террасы слышались мерные удары копыт по вымощенному двору усадьбы и, мягко шурша резиновыми шинами, к крыльцу дома подкатила коляска, высланная час тому назад на паромную пристань за приехавшими из Петрограда докторами. Всеволодские поспешили им навстречу.

ГЛАВА VI

Опять провинился

Спустя полчаса к заднему кухонному крыльцу с узелком в руке и с телом убитой змеи, перекинутой через плечо, подходил Вадим.

Еще там, в лесу, Дима вспомнил, что сегодня к двенадцати доктора должны быть у Ни, и чтобы скорее узнать об их приговоре, чтобы скорее добраться до дому, он выбрал самый короткий путь через колючий шиповник, целые заросли которого находились между лесом и «Озерным».

Такое путешествие не могло пройти бесследно. Колючий терновник разодрал синюю матроску и исцарапал лицо и руки Вадима. И он очень мало походил теперь на благовоспитанного юношу из дворянской семьи.

Горничная Паша, выскочившая на крыльцо навстречу этой подвигавшейся к дому истерзанной фигуре, вдруг остановилась, как вкопанная. Яркий румянец, пылавший у неё на щеках до этого момента, неожиданно сменился смертельной бледностью.

– Змея! – пронзительно и громко на весь двор завизжала испуганная девушка и бросились вон в сторону.

Из кухни выбежали кухарка, прачка и судомойка и с перекошенными от страха лицами заголосили на разные голоса:

– Змея! Батюшки светы! Никола Милостивец! Змея! Мать святая Богородица! О, Господи! Господи! Господи!

Напрасно Вадим, стараясь успокоить всех четырех обезумевших от страха женщин, кричал во все горло, что змея уже мертва и потому не представляет никакой опасности. Никто не слушал его. Шум, крик и вопли продолжались до тех пор, пока Петр Николаевич, а за ним

Никс и Левушка не выбежали на крыльцо. Это случилось как раз в то время, когда Дима, желая доказать полную безвредность змеи, изо всей силы швырнул мертвую гадину на пол к ногам Паши, которая в ответ на это разразилась новым отчаянным визгом.

Но этот визг был немедленно заглушен строгим голосом Петра Николаевича:

– Это что еще за новости! Что за дикие шутки? Откуда ты добыл эту падаль, и для чего? Чтобы пугать мертвой гадinou кухарок и горничных? Ты с ума сошел! Шутить так глупо, да еще в такое время, когда твоя сестра борется со смертью, когда каждый шум, каждое громко произнесенное слово может ухудшить её положение...

Тут Всеволодский шагнул к Диме, глядевшему на него взглядом затравленного зверька и не попытавшемся даже оправдаться во всем случившемся. Дима молчал. Молчал и тогда, когда Петр Николаевич схватил его за плечо и, с силой тряхнув, потащил на крыльцо, а оттуда в сени.

Как во сне промелькнули перед Димой испуганные лица братьев, прижавшихся один к другому в кухонном коридоре, и еще чье-то лицо, взглянувшее на него печальными, заплаканными глазами.

– Тс... Тише, ради Бога, тише! – прозвучал чуть слышный тревожный шепот его матери, – они совещаются у тебя в кабинете, Пьер...

Но тот, казалось, в эти минуты позабыл о больной и о консилиуме.

– Полюбуйся на своего сына! Его дикие выходки переходят все границы. Это прямо невозможно, я должен его; примерно наказать... – стараясь говорить возможно сдержаннее, ронял сквозь зубы Петр Николаевич.

– Ради Бога, перестань, Пьер, мне больно слышать... – прозвучал снова замирающий шепот его жены.

Но на этот раз ни Всеволодский, взбешенный до последней степени поступком пасынка, ни сам Дима уж не слышали его. Открылась какая-то дверь, пахнуло затхлостью и пылью. И через минуту она снова захлопнулась за худой, высокой Фигурой отчима...

Дима очутился в крошечной каморке с оконцами во двор и с полками вдоль стен; на полках стояли какие-то ящики и корзины.

– Ага... меня заперли в кладовую... Заперли, как мальчишку! А за что? За что? За что? Разве я виновен, что они там кричали и своим криком могли напугать Инночку? Как несправедливо! Как ужасно несправедливо! И за что же?

Так рассуждал Дима, стоя перед закрытой дверью и пробуя прочность задвижки своими сильными, крепкими руками.

Дверь была слишком прочна, чтобы поддаться усилиям Димы. Но быть запертым, как мышь в мышеловке, совершенно не входило в намерения Димы. Во-первых, ему хотелось узнать, что скажут доктора о состоянии здоровья Ни. Во-вторых, необходимо было сбежать в город и проучить Сережку, чтобы раз навсегда отучить его обижать Машу. И, в-третьих, подобрать цветы, оставшиеся там у крыльца, и, приведя их в порядок, поставить в комнате больной Ни. А кстати, захватить и «трофей» – мертвую змею, валяющуюся, по всей вероятности, там у крыльца. А «он» – так называл Дима за глаза отчима, тогда как в глаза обращался к нему, называя по имени и отчеству, – а «он» помешал ему, сделать все это, лишив свободы. И Дима еще глубже возненавидел человека, который заменял ему отца.

Отец! При воспоминании о нем лицо Димы проясняется. И милое детское выражение сменяет недавнюю горькую усмешку этих суровых глаз. Сейчас мальчику, как живой, представляется покойный отец. Его крепко сколоченная мускулистая Фигура, львиная грива густых, курчавых волос совсем таких же, как волосы самого Димы. И это ласковое отношение ко всем детям вообще и в частности к нему, Диме, который считался любимцем капитана. Ни в чем не стеснял его добрый, милый папа. Он даже как будто поощрял в нем самостоятельность и жажду независимости и свободы... Дима даже больше нравился папе, чем шаркун Никс с его медлен-

ными, точно рассчитанными движениями, или чем безличный, хотя и добренький Левушка. Он, милый папа, надеялся на Диму и часто говаривал: – Этот поддержит наше славное морское прошлое, этот уже настоящий моряк.

Ах, как Дима бывал благодарен дорогому папе за эти слова! И хотя Дима и не умел выражать своих чувств, но в душе любил своего отца беспредельно. И когда молодая Юлия Алексеевна после смерти мужа избрала себе второго спутника жизни, Дима, единственный из всех детей Стоградских, не влюбил этого человека, тоже далеко не злого и часто даже нежного к своим пасынкам. Тут Дима совсем отдалился от родных и только с Ни, которая бесконечно любила своего никем не понятого брата, у него оставались добрые, дружеские отношения.

О ней он думал и сейчас, думал неразрывно с мыслью об отце. Теперь все желания Димы сводились к тому, чтобы узнать что-либо про сестру.

Он стал напряженно прислушиваться, но – увы! – ничего определенного до его слуха не доходило. Гремели ножами в столовой; прислуга хлопотливо бегала по коридору, куда выходила дверь кладовой, но слов не слышно было.

«Завтракают верно. Кончился консилиум», – соображал мальчик и снова замер в тоске и печали, поникнув курчавой головою.

Прошло не мало времени; до его ушей, наконец, долетели звуки лошадиных копыт и шум тронувшейся со двора коляски.

Вадим кинулся к маленькому оконцу и увидел уезжавших докторов. Почти одновременно с этим хорошо знакомые шаги ненавистного Диме человека прозвучали в коридоре. Щелкнула задвижка у двери, и на пороге появился Всеволодский.

– Вадим, – произнес он ледяным голосом, оправляя обычным жестом золотое пенсне, – ты очень провинился сегодня, но, в виду счастливого исхода, я прощаю тебе твой глупый мальчишеский поступок. Профессор сделал прокол в боку Ни и выпустил оттуда накопившийся гной. Теперь страшная опасность миновала, и девочка будет жить. Ступай к матери! Никс и Лева уже с него. Порадуйся вместе с ними.

«Будет жить... Ни будет жить... Ни выздоровеет, – словно запело на разные голоса в душе мальчика. Он даже не нашел, что сказать отчиму в ответ на принесенную им радостную весть.

А тот уже смотрел на него испытующим взглядом.

– Ты, кажется, совсем не рад счастливому известию, Вадим? – с усмешкой спросил отчим мальчика.

Тяжелый, хмурый взгляд был ответом на эту усмешку. И Дима, молча, следом за отчимом пошел на террасу.

Там он увидел в кресле свою мать, а по обе её стороны – Никса и Леву. Юлия Алексеевна тихо плакала, закрыв лицо платком. Это были слезы счастья, вызванные избавлением от смертельной опасности её девочки. Никс и Левушка успокаивали ее поцелуями и нежными, ласковыми словами. При появлении Димы она издала протянула ему руки и, глядя блестящими сквозь слезы глазами на сына, произнесла еще вздрагивающим от волнения голосом:

– Поди сюда, Дима!.. Ты слышал, какая у нас радость? Ни лучше... Наша Ни будет жить... Она уже дышит ровнее и свободнее после сделанной ей операции. Поцелуй же меня, мой мальчик!

Вадим выслушал от слова до слова все, что сказала мать, но не двигался с места. Ах, он совсем не привык к поцелуям и ласкам! Он не умеет ни целовать, ни ласкаться даже к тем, кого любит. Он только взглянул на мать блестящими глазами и снова потупил их. И тут только заметила Юлия Алексеевна рваную одежду, исцарапанные руки и бледное лицо сына.

– Боже мой, Дима, с кем ты подрался, кто привел тебя в такой вид?

Но Дима молчал по-прежнему. Только грудь его тяжело поднималась и глаза по-прежнему смотрели исподлобья, как у затравленного зверька.

И вдруг он увидел то, чего вовсе не ожидал видеть. Его ландыши, его дивные ландыши, принесенные им в подарок Ни, лежали в развязанном узелке, небрежно брошенном на стол террасы, и безжалостно сохли под горячими лучами полдневного солнца. Диме захотелось крикнуть от обиды за пропавшие цветы, которые он собирал для Ни с такой любовью. Но чтобы не показать присутствующим обуревавшего его недоброго чувства, он как-то боком рванулся к двери и в один миг исчез за нею.

– Но он совсем дикий! Что с ним такое?.. Он не радуется как будто выздоровлению нашей крошки... Как будто совсем чужой и далекий, – прошептала в смущении Юлия Алексеевна и печально, растерянно взглянула на мужа.

Но тут Никс поспешил загладить поступок брата. Обменявшись с отчимом неувловимым, но значительным взглядом, он принялся целовать руки матери и стал осторожно своим платком вытирать оставшиеся на её ресницах слезы.

Левушка поспешил подражать брату, и оба добились того, что успокоенная Юлия Алексеевна улыбнулась снова. К чему ей было огорчаться, когда её милая Ни будет жить, а эти два чудесные, славные мальчика так горячо привязаны к ней и с таким избытком вознаграждают ее за невнимание к ней со стороны дикого, грубого Димы.

ГЛАВА VII

Утренние часы

И вот, принц сказал старому королю:

– Отпусти меня, батюшка, странствовать по белу свету, людей посмотреть и себя показать. Поверь мне, батюшка, что ничего я не совершу дурного, не посрамлю твоего имени. Сам ты изволишь говорить мне, что от безделья, от праздной жизни всякие глупости на ум приходят человеку. Я еще говоришь: чтобы стать достойным слугою моего отечества, надо пережить многое, надо узнать и труд, и нужду, и лишения. Отпусти же меня побродить по белу свету, батюшка, отпусти изведать и труд, и нужду, и лишения. Ведь кроме праздной, бездеятельной жизни я до сих пор не видал ничего.

И согласился старый король... И отпустил от себя любимого сына побродить по свету, людей посмотреть и себя показать...»

– Ты не устала еще слушать, Ни?

Книга опускается. Смуглое лицо с озабоченным выражением склоняется над другим лицом, бледным, исхудалым, грустным. Милое, худенькое личико! Как оно изменилось за эти тяжелые недели страданий!

Дима с бесконечной любовью и жалостью глядит на сестру, покоящуюся среди белых подушек. Каждое утро, когда все еще спят, он тайком приходит к ней, пробуждающейся с зарею. И подолгу читает ей то, что разрешает читать доктор: сказки и стихи.

Все тихо в этот ранний час в доме. Все спят, спит еще и прислуга.

Вадим страстно любит эти часы, когда открытое настежь окно пропускает в комнату выздоравливающей Ни волны воздуха и света. Весело улыбается им голубое небо и ласково светит летнее солнышко, оживляя худенькое личико Ни, кажущейся сейчас чуть ли не двенадцатилетним ребенком.

Каждое утро Дима проводит в комнате сестры. Ему очень трудно вставать так рано, но когда он вспоминает о том, что в иное время постель Ни бывает окружена другими, он предпочитает сну эти часы с сестрою. О них никто не знает. Дима горячо просит Ни никому не говорить о них ни слова. И когда чтение надоедает выздоравливающей девушке, она просит брата рассказать ей о том, как он проводит время вне дома. И она внимательно слушает его рассказы. Но сегодня почему-то Дима не разговорчив.

Прочитанная сказка про королевского сына, надоевшего всем своими дикими выходками и отпущенного, наконец, отцом в длинное путешествие по чужим странам, западает в самую душу Димы. Сказка оставляет странное впечатление в этой сложной детской душе. И он задумывается над нею невольно, подперев обеими руками голову, и не мигающим пристальным взглядом смотрит в окно.

Странные мысли роятся в голове мальчика. Ему кажется, что надоедливый сын короля, это – он, Дима, а король, это – Петр Николаевич, и что если он, Дима, хорошенько попросит Петра Николаевича о том же, о чем просил старого короля королевич, Всеволодский, может быть, не станет противиться.

Разыгравшаяся фантазия идет все дальше и создает все новые узоры, один сложнее и прихотливее другого.

Неожиданно маленькая, исхудалая ручка ложится ему на плечо, пробуждает мальчика от задумчивости.

– Димушка, милый Димушка, – звенит над ухом Вадима слабый голосок Ни, – а как поживают наши друзья Сергей и Маша? Ты давно что-то не рассказывал о них.

Но в следующую же минуту Ни уже раскаивается в произнесенных ею словах.

Смуглое лицо Димы загорается как зарево. И глаза его светлеют от волнения. Как он мог забыть! Как он мог забыть данное Маше обещание? Все эти дни он не видел ни ее, ни Сережку. Сережка, чувствуя свою вину перед сестрой и боясь возмездия со стороны Димы, старается не попадаться ему на глаза. А сам Дима как будто и вовсе позабыл об этом возмездии. Но этого подлого поступка Сережки нельзя оставить без наказания. Как можно равнодушно отнестись к нему? И почему не видно Маши? Что с нею? Может быть, она считает его лгуном и пустым болтуном. Пообещал вместо отнятой кофточки принести другую, да так и ограничился одним обещанием. И вот, чтобы поправить свой поступок, он рассказывает все сестре. Ни слушает все внимательно. Её красивые серые глаза кажутся огромными на исхудалом лице.

– Да, да, – говорит она радостно, – отнеси ей от меня другой подарочек. У меня столько вещей, совершенно мне ненужных... Открой комод, Дима... Там, налево, есть блузка с розовыми букетиками... Ее и отнеси Маше.

– Как ты добра! О, как ты добра, Ни!..

– Добра, а сама-то не догадалась подарить, хороша тоже... – смеется девушка, обрадованная похвалой брата.

Диме хочется сейчас обнять сестру и от всего сердца поблагодарить ее. Но он не умеет этого сделать. Он только крепче сжимает худую руку Ни и снова опускает ее на кровать. Потом бежит к комоду, роется в нем несколько минут, вытаскивает из ящика указанную вещицу, сует ее подмышку и, кивнув головой Ни, опрометью бросается за дверь.

ГЛАВА VIII

Неравная борьба

Дима шел со своим свертком подмышкой пустынными еще по-утреннему улицами маленького уездного городка. Все было сонно и тихо. Попадались только афабричные рабочие, торопившиеся на заводы, да сновали небольшими группами грузчики, тянувшиеся на пристань. Дима повернул на дорогу, ведущую к церкви. Он был уверен, что найдет здесь поблизости Машу, собирающую милостыню. Дима не ошибся. Подле безобразной рябой старухи с всклокоченными космами, выползающими из-под головного платка, протягивавшей за милостынею худую, корявую руку, стояла Маша. Она заметила издали приближающегося Вадима и закивала ему головой. Он помахал ей своим свертком, и она, шепнув что-то старухе, почти бегом побежала ему навстречу. Дети не виделись все последнее время и теперь очень обрадовались друг другу.

– Вот, Ни тебе прислала, – проговорил Дима, протягивая нарядную кофточку маленькой нищенке.

Та вся так и загорелась искренним детским восторгом.

– Мне? Эту? Да неужто? Вправду мне? От барышни Инночки? Ах ты, Господи, радость-то какая! Лишь бы и эту не отнял Сережка!

При этом имени Дима нахмурил брови.

– А где он, Сережка? Мне еще кой-какие счета с ним надо свести.

– Ой, не надо, Димушка, ой, не было бы худо, родимый! – вдруг заволновалась Маша. – Он и то побить тебя грозился, как узнал, что ты за меня; вступиться хотел. Стал с того часа ходить кучкой, человек в шесть, в восемь. Все тебя ищет, побить собирается. «Беспреречно, говорит, ему мятку задам, ништо, говорит, что он барин». Я упредить тебя хотела, да прислуга ваша меня до тебя не допустила.

– А где он теперь?

Маша ничего не ответила. Её лицо как-то сразу осунулось и побледнело. А глаза, устремленные куда-то в сторону, расширились, округлились от испуга.

– Гляди, гляди, опять артелью идет, – шептала она, хватая за руку Диму и бросая беспомощные взгляды вокруг. Со стороны тихого, словно вымершего, берега реки шла небольшая группа подростков. Впереди важно выступал Сережка. Его веснушчатое лицо, окруженное огненными вихрями, казалось наглее и самоувереннее, чем когда-либо до сих пор. Он еще издали разглядел Диму и зло рассмеялся.

– Эй ты, Аника-воин, шагай сюды, коли душа в пятки не ушла! – кричал он, приближаясь к Диме и ухарским движением заламывая набекрень свою просаленную, с оторванным козырьком, фуражку...

– А почему бы ей уйти в пятки? – громко, но спокойно, по-видимому, откликнулся Дима.

– А вот увидишь! Возьми на час терпения, миленький. Вишь, ты бесстрашный рыцарь какой!

Сопровождавшие Сережку мальчишки засвистели и заулюлюкали по адресу Димы.

– Беги, Дима, беги, миленький, покудова не поздно, – прошептала Маша, дергая за рукав своего друга.

Но Дима только отмахнулся от неё, как от докучливой мухи, и сжав в кулаки руки, выступил вперед.

– Что же ты издали, из-за спин своих товарищей угрожаешь? Подходи ближе, если хочешь потягаться силами со мною! – крикнул он Сережке.

– Ишь ты какой прыткий? Не нравится, видно, ему целым и невредимым ходить! – захотел молодой босяк и, прежде чем Дима успел опомниться, нагнулся, поднял камень и изо

всей силы запустил им в Стоградского. Страшная боль в плече заставила Диму громко вскрикнуть. И в ту же минуту все пятеро босяков-подростков накинлись на него во главе с Сережкой.

Маша закричала жалобным протяжным криком и бросилась защитить Диму. Но что могла она сделать? Убедившись, очевидно, в серьезности Диминого положения, девочка кинулась к казармам, где жили артелью босяки, и крикнула во все горло:

– Дяденька Савел! Дяденька Савел! Ратуйте! Барчонка убивают! Ратуйте! Дяденька Савел!

Но справиться с Димой было далеко не так легко, как это казалось Сережке и его товарищам. Недаром мальчик закалил себя. Сильными, ловкими руками он задерживал и отражал сыпавшиеся на него удары. Отбросив нападавшего на него долговязого Митьку-Певуна, любимого товарища Сережки, он схватился с самим рыжим, ни мало не обращая внимания на кулаки остальных. Уже Сережка лежал поверженный на земле, как неожиданно сделанная подножка другого босяка, Федьки-Косого, свалила и самого Диму. Он хотел тотчас же вскочить снова на ноги и отразить новое дружное нападение, но четыре оборванца уже навалились на него и молотили по нему изо всей силы кулаками.

Какие-то красные круги поплыли у Димы перед глазами. В голове зашумело и все помутилось на миг. Но страшным усилием воли Дима принудил себя удержать уходившее от него сознание и неожиданно для нападавших поднялся на ноги. Крепким ударом он отшвырнул от себя наседавшего на него Косого и уже схватился с плотным и ширококостным Семкой-Вихрастым, подростком едва ли не крупнее его самого. Вдруг громкий окрик, раздавшийся за его плечами, заставил Диму выпустить из рук Вихрастого.

– Вадим, что это значит?

Дима вздрогнул от неожиданности. В пылу и разгаре схватки он не заметил подскакавшей к ним пролетки, в которой сидел Всеволодский.

Петр Николаевич ехал мимо, возвращаясь с пристани, и, еще издали приметя странно топчущуюся на месте группу, заинтересовался ею.

Каково же было его изумление, когда он увидел в центре этой небольшой группы босяков-оборванцев своего пасынка Диму.

– Оставь их и сейчас же садись рядом со мною! – коротко и повелительно приказал он последнему и только тут увидел разодранную одежду и окровавленное плечо Вадима.

– Что такое? Ты ранен? Откуда кровь? – уже более встревоженным голосом спросил он мальчика.

Но тот не мог сейчас ответить ни слова. Весь бледный, с блуждающими глазами, тяжело переводя дыхание, Дима шагнул к отчиму, поднял уже ногу на подножку экипажа и неожиданно зашатался, хватая руками воздух.

Петр Николаевич едва успел подхватить его, посадить рядом с собою и сильными руками обнять стан мальчика.

Дима совсем ослаб и весь как-то поник, опустился. А из раненого камнем плеча не переставала сочиться алою струйкой кровь.

Всеволодский, встревоженный не на шутку, то и дело понукал кучера ехать скорее. Ему было сейчас бесконечно жаль мальчика, снова попавшего в беду, и в то же время новый прилив досады на Диму не мог не восстановить его против пасынка.

ГЛАВА IX

Три брата

Прошло не мало дней, пока зажило раненое плечо у Димы и исчезли синие и багровые пятна – следы ударов, нанесенных ему Сережкиной компанией. Но на душе мальчика было светло и спокойно все это время. Смутная гордость от того, что он не побоялся схватки с впятеро сильнейшим врагом, приятно баюкала сознание Димы.

Не желая тревожить Юлии Алексеевны, Всеволодский скрыл от неё схватку пасынка с босяками-подростками. Не знала о ней и Ни, уже находившаяся на пути к выздоровлению. Но от Никса и Левушки было трудно скрыть что-либо; ни тот, ни другой не поверили в то, что Дима упал с дерева и разбился до крови, как объяснил, по приезде домой с пострадавшим Димой, отчим.

Все трое братьев собрались в «детской», как до сих пор еще называли в доме спальню мальчиков. Дима, позабыв по своему обыкновению, умыться и причесаться на ночь, юркнул в постель, – а Никс и Лева пристали к нему с расспросами.

– Ну, Димушка, ну, миленький, ну, хороший ты мой, расскажи по совести, как это было? – начал Лева, успевший перескочить со своей кровати на кровать брата, в то время, как Никс, устроившись в качалке-кресле, с усердием, достойным лучшего дела, занялся чисткой ногтей.

Дима, презрительно выпятив нижнюю губу, следил за всеми движениями старшего брата. И, не отвечая на вопросы Левушки, буркнул по адресу Никса:

– И не надоест это тебе? Никс не замедлил ответом, продолжая свое дело:

– Каждый человек должен следить за собою. Мама сама советовала мне держать в порядке ногти и руки. А тем более теперь, почти накануне предстоящего семейного праздника. Я рекомендовал бы и другим заняться немножечко собою. Разве ты, Дима, забыл, что через неделю – день ангела мамы, в который решено отпраздновать заодно и выздоровление Ни? Будет парадный обед, придет Лина...

– Лина? Вот уж не терплю этой кривляки! – непосредственно сорвалось у Димы.

– Ну, этому я, положим, не поверю, мой милый, – тонко улыбнулся Никс, – потому что Лина не может не нравиться. Она развитая и начитанная...

– А по-моему, напыщенная и пустая! – пробурчал в ответ Дима.

– Ну, конечно, иного ты и не можешь о ней говорить. Ведь она на тебя не обращает никакого внимания. И смеется над всем твоим глупым поведением.

– Смеется? – переспросил Дима.

– Димушка! Милый! Перестань. Ведь он так только, В шутку, – обняв брата, шепнул Левушка, не терпевший никаких ссор и недоразумений.

– Я не в шутку, нет! – продолжал Никс. – Действительно, Вадим достоин насмешек. Я только сегодня узнал, что он схватился с босяками, и не подоспей папа вовремя, они побили бы его, как последнего уличного мальчишку.

– Что-о?!

Никс не успел опомниться, как Дима выскочил из своей постели, перебежал комнату и, очутившись перед старшим братом, схватил его за плечи и стал трясти изо всех сил.

– Повтори, что ты сказал, повтори! – говорил он глухо и злобно.

Пятнадцатилетний Никс был много слабее младшего брата и никогда, к тому же, не отличался особенной храбростью.

– Ну да... ну да! – залепетал он, меняясь в лице от страха. – Я и не отрекаюсь... не отказываюсь от своих слов... Папа действительно говорил маме, что ты приносишь им много горя и забот, что он положительно не знает, что делать с тобою.

– Так он и говорил?

Дима словно прокалывает насквозь Никса своим слишком пристальным, колющим взглядом. Бессознательно сильно сжимает он хрупкие плечи Никса.

– Ай, больно!.. Дапусти же ты меня! Больно мне, говорю тебе толком! – морщась и стараясь выскользнуть из цепких рук брата, лепечет Никс.

Дима точно просыпается после этих слов. Он смотрит на брата так, как будто видит его в первый раз, и выпускает, наконец, его плечо.

Никс валится головой на спинку кресла, словно подкошенный тростник.

– Грубиян... дикарь... мужик... – роняет он презрительно и брезгливо.

Странная улыбка пробегает по лицу Димы. И через секунду он схватывает снова руки Никса и сжимает их так сильно, что Никс опять кричит:

– Пусти, что ты? С ума сошел ты опять!

– Я пусти тебя с условием, если ты мне скажешь, каким образом ты узнал про все это?.. Подслушал? Да? Говори! – кричит Дима, не спуская с лица брата загоревшегося взгляда.

Лицо Никса делается багровым от бессильного гнева.

– Какой вздорь!.. Что ты сказал? Подслушивал? Что это значит?

– Ты лучше меня знаешь, что это значит!

– Ну да, ну да, подслушал, если хочешь, подслушал! Проходил мимо кабинета папы и слышал, как он говорил маме: «Вадим – бич, горе, несчастье нашей семьи. С ним нет ни покоя, ни радости. Я не могу найти средства исправить его... и... и...».

– А мама? – хмуря темные брови, угрюмо спросил Дима.

– Она плакала...

– И все?

– Чего же тебе еще?

Лицо Димы слишком красноречиво говорит о переживаемой мальчиком душевной буре. Левушка это замечает, соскакивает с места и, перебежав комнату, с легким криком бросается ему на грудь:

– Димушка!

Но тот медленно отстраняет брата, наклоняется, поднимает свой брошенный на пол пиджак и начинает одеваться.

– Куда ты? – напугано спрашивает Левушка, в то время, как Никс с растерянным видом следит за каждым движением Димы.

– Ты, надеюсь, не выдашь меня? – совсем иным – робким, приниженным тоном роняет Никс, раскаявшийся в своих словах, когда Дима, уже одетый, направляется к порогу комнаты.

– Что ты наделал, Никс! Боже мой, что ты наделал, рванувшись к брату кричит Левушка. – Ах ты не знаешь Димы!.. Он такой гордый, такой...

Левушка не договаривает, кидается ничком на свою постель и долго тяжело вздыхает.

ГЛАВА X

Дима решается

Темные пятна играют на паркете и кажутся большими причудливыми цветами. Это ветки садовых деревьев бросают движущуюся тень на гладкий, вытощенный пол. Дима на мину ту заинтересовывается их игрою. Потом подходит к окну и смотрит: Белая ночь. Тишина. Вдали озеро, окаймленное кустарниками, резко выдающимися на фоне светлых ночных майских сумерек. Дальше огонек маяка, одинаково светящийся и в светлые и в темные ночи.

Туда, к маяку, Дима частенько пробирается в уютной лодчонке, в гости к старому Капитонычу, отставному матросу. А с противоположной стороны темнеет лес, старый лес, с его шумом, с его грозами, птичьим хором, который дороже всяких музыкальных концертов сердцу Димы. Ужели же оставить все это и уйти туда, где будет все чуждо и незнакомо?

Но он не долго задумывается над этим вопросом и решительно отходит от окна.

– К вам можно, Петр Николаевич? – стучит он в дверь кабинета отчима.

Всеволодский морщится, слышав из-за двери это холодное обращение Димы.

Дима никогда не называет его отцом, как другие дети его жены, и это обстоятельство каждый раз корбит Всеволодского. К тому же он так занят сейчас. Часто сидит он теперь за полночь в своем кабинете над выкладками, счетами и другими деловыми бумагами. И в эти часы ночных занятий он не любит, что бы беспокоили его. Но голос Димы так настойчив и сам мальчик, перешагнувший порог кабинета, кажется такими необычайно странным сегодня, что Петр Николаевич поневоле решается выслушать его.

– Садись, гостем будешь, – пробует он пошутить, указывая пасынку глазами на кресло.

Но Дима ни мало не откликается на эту шутку. Усталым движением взрослого человека опускается он на стул и поднимает на отчима серьезные, внимательные глаза.

С минуту длится молчание, и Дима решается.

– Петр Николаевич, – раздается его энергичный голос, – я знаю: я дурной сын, я дурной брат и дурной пасынок. Но я не могу теперь быть иным. Вы понимаете меня, я не могу перемениться, даже если бы и пожелал. Сам знаю, сколько забот и горя причиняю... И... и... вот, что я придумал: отпустите меня из дома. На год... На один только год. И, вы увидите, я вернусь другим, более желанным, более полезным вам всем. Вы знаете, конечно, сказку про странствующего королевича. Нет, не знаете? Ну, все равно. Дело в том, что пока королевич не порыскал по белу свету, он приносил только одни заботы и неприятности своему отцу-королю. А потом, узнав нужду, труд, лишения, он сделался совсем другим, он точно преобразился. Так и я хочу. Я уйду только на год и потом вернусь для того, чтобы усиленно заниматься и приготовиться в мореходные классы, как этого желал мой покойный папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.